

НАСТОЯЩИЙ БОРОВ

Я не так собиралась встретить этот день. Не прислоняясь к ледяной стене, обхватив себя руками, закрыв глаза, то проваливаясь в сон, то просыпаясь, чтобы проверить время на мобильном: пора?

— А ты чем по жизни занимаешься? — лениво спросила одна из розоволосых, которые часа три назад зажигали на танцполе, а теперь мёрзли вместе со мной в томительном ожидании, держась за стенку и медленно моргая слипшимися ресницами.

Отвечать не хотелось. Но я ответила. Не то чтобы выпендривалась, но...

Мне это правда было нужно. Вроде лекарства от всех болезней. Точнее, от одной.

— О-о-о, — простионала девочка-фламинго, — как это круто! Я тоже хотела! Давно хотела! А что ты заканчивала?

Но я не ответила ей: мобильный показывал, что пора, и я ему поверила. Сбежала по ступенькам, перепачканным мартовской снежной кашей, в подземный переход, спугнула парочку голубей, что-то выклёвывавших из грязной лужи. Всполошённые, они разлетелись в разные стороны. Так и надо всем парочкам на свете!

— Не уходи! Пожалуйста! Не уходи! — кричала мне вслед девочка-фламинго. Я обернулась. Она ползла за мной, держась за стенку обеими руками и даже прижимаясь щекой, будто танцую с ней танго. Слишком много коктейлей, слишком. Я покачала головой. Эти слова должен был пять часов назад произнести совсем другой человек.

В метро я заснула. Когда открыла глаза, двери вагона были распахнуты. Я узнала стены, чёрно-коричневые, ребристые, словно собранные в мелкую гармошку, и вскочила, но двери захлопнулись, словно только и ждали, когда я проснусь. Поезд тронулся дальше, а я ухватилась за поручень и опустила глаза. Все, кто не спал, смотрели на меня, а дядька с чемоданом, сидевший ближе всех к выходу, зачем-то оглядел меня с головы до ног, потом с ног до головы. Люди любят смотреть на неудачников. Им хотелось изучить меня: что с ней не так? Почему она проспала свою станцию?

Когда в конце концов я выбралась на улицу, было почти светло и ни капельки не тепло. Я шмыгнула носом,

вынула шапку из кармана куртки, натянула. Решила сократить дорогу, пройдя через сквер.

Подумала о времени, но не подумала о дороге. Лёд в сквере никто счищать и не собирался, всех всё устраивало, и вместо того чтобы идти и дремать на ходу, мне пришлось двигаться черепашьям шагом, напряжённо пробуя ногой каждый кусочек дороги. Пару раз поскользнулась, пару раз ругнулась. А ведь могла быть совсем в другом месте!

Оглядев сквер в поисках тропинки, не похожей на каток, я заметила на скамейке парочку: на девушке было зелёное пальто.

«Липатова», — узнала я. Правда, совершенно непонятно, что Лариска могла делать в шесть утра в заледеневшем сквере. Её электричка только в семь приходит на Ярославский вокзал. Но раз уж она всё равно тусует с каким-то парнем, я могу её отозвать в сторону всего на пару минут и излить душу. Мне нужно с кем-то поделить мою беду. Иначе я сойду с ума.

Приблизившись не без труда к скамейке, я обнаружила, что в зелёном пальто — никакая не Липатова, а девчонка лет десяти-двенадцати. Она сидела и смотрела перед собой. Рядом с ней сидел дядька и глядел на неё. «Папа и дочка», — решила я и уже собиралась ползти по скверу дальше, как вдруг остановилась и снова посмотрела на эту странную парочку.

У девочки были тонкие кривоватые ноги, похожие на разогнутые скрепки, и ботинки, здоровенные настолько, что в них поместились бы не только ноги девочки, но и немного кирпичной крошки, которую следовало бы подсыпать, чтобы хозяйку ботинок не сдуло ветром. Смешная шапка — как мордочка медвежонка. Глазки, ушки. Сидит, смотрит на дорогу. И глаза медведя тоже смотрят на дорогу.

А вот дядька... Дядька был в коричневой куртке, в бурых штанах и в валенках. Я зацепилась взглядом за валенки. У нас, в Пушкино, можно было встретить в магазине какого-нибудь старикана в валенках, но в Москве... Я не видела.

Валенки не вязались с шапкой-медвежонком. И тем, как он смотрел на неё. Его взгляд мне напомнил экспонат в «Музее занимательных наук», куда меня как-то водил Серёня. (Эх, Серёня...) Поток воздуха держит шарик. Шарик кувыркается, но на пол не падает. Взгляд дядьки держал девочку, как шарик, хотя она даже на него не смотрела.

Я посмотрела на ледяную дорогу. Потом снова — на них. Девочка комкала в руках какой-то пакет. Пакет шуршал, и его шуршание не давало мне уйти.

Мне не понравилась эта парочка. Настолько не понравилась, что я решила вмешаться.

Пошарила в кармане, нашла бумажку. Осторожно шагнула к ним. Когда я подошла, девочка по-воробыиному вздёрнула голову и испуганно посмотрела на меня.

— Добрый день, — хрипло сказала я и протянула им бумажку, — в нашем кафе сегодня акция. Купите один кофе, второй — бесплатно. Вот флаер.

Я протянула флаер им обоим. Никто не сделал попытки взять. Дядька медленно отвёл глаза от девочки. А она дёрнулась и задышала часто-часто.

Дядька теперь уставился на меня. У него были толстые губы, толстые щёки, и веки тоже были какими-то толстыми. А глаза странные, пыльно-серые, как будто ничего не выражающие, но у меня внутри застучало-заколотилось. Казалось, что смотрит, смотрит, а потом — как укусит за куртку. А девочка всё дышала-дышала-дышала и даже головой дёргала в такт дыханию. Я набрала воздуха, как перед прыжком в воду, и затараторила, обращаясь к девочке:

— Слушай! Ты такая красивая! А тебе никто не предлагал в рекламе сняться? Я работаю в одном агентстве. Нам как раз нужны девочки, чтобы зубную пасту рекламировать.

Я несла эту чушь, а про себя молила: «Ну скажи, мужик, скажи: „Отвалите, барышня, от моей дочери со своими идиотскими предложениями“». А лучше пусть она

спросит: «Пап! Можно?» Она спросит, а я признаюсь с облегчением, что наврала, и пойду домой. Медленно, но спокойно.

Девочка молчала. И он тоже. Только смотрел на меня своими странными глазами.

— Давай? Пойдём со мной, — весело сказала я девочке, — заодно к твоим родителям зайдём, спросим разрешения?

Дядька вдруг оглянулся. Так, как воры в фильмах оглядываются, прежде чем в квартиру войти.

Я вздрогнула: а если нож достанет?

Сделала вдруг один ватный шаг, схватила девочку за плечо и подняла её.

Девочка застыла и зажмурилась, и я испугалась, что она сейчас грохнется в обморок, потом опустила глаза и увидела, что этот боров держит её за руку. За запястье. У неё часы были на запястье. Красный резиновый ремешок виднелся под его огромными пальцами. А другая рука борова была в кармане.

Кричать в пустом ледяном сквере было жутко. Но я решила:

— Полиция!

И погромче:

— Помогите!

Толстые губы чуть раздвинулись в улыбке. По мне пронеслась волна мурашек: у него не было двух передних зубов, и улыбался он, словно щерился. Он вытащил вторую руку, пустую, и протянул ко мне, но тут мы оба повернули головы к метро. Оттуда вышла тётка, за ней — двое парней в синих спортивных куртках.

Он разжал пальцы. Я дёрнула девочку за плечо, увлекая за собой к выходу, к магазину, к аптеке, к людям, а она топала по ледяной дороге, и ноги у неё разъезжались, как у Бэмби, который только что родился.